

М. Абкина упрощает и стилистически снижает речь героя. «Я прошу прощения» («I beg your pardon») звучит у нее как «Извините» [1, С. 39], «Я не знаю, что она скажет мне» («I don't know what she will say to me») переведено с дополнительной экспрессией в лексике и просодике «Уж не знаю, как она теперь меня встретит» [1, С. 39]. «Я не переношу его, когда он дуется» («I can't bear him when he sulks») интерпретировано как «я терпеть не могу, когда он сердится» [1, С. 40]. «Я расскажу Вам, Гарри, но Вы не должны быть предубеждены против этого» («I will tell you, Harry; but you mustn't be unsympathetic about it») изложено как «Сейчас расскажу. Но не думайте меня расхолаживать, Гарри» [1, С. 71].

Неоправданный отбор сниженной лексики и насыщение речи героя частицами и междометиями может сформировать ложное впечатление о Дориане как о невоспитанном и капризном молодом человеке. Таким образом, ошибки переводов влияют на степень идентификации героев литературных произведений.

Литература

1. *Уайльд О.* Собр. соч. в трех томах. – Т. 1. – М.: Терра, 2000. – 512 с.
2. *Уайльд О.* Портрет Дориана Грея. Исповедь. Пьесы. Сказки. – М.: ЭКСМО, 2005. – 800 с.
3. *Wilde Oscar, Selections.* – М.: Moscow Progress Publishers, 1979. – 391 p.

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Гончаренко П.Г.

Белгородский государственный университет

Вопросом анализа характерных особенностей грамматического строя английского языка занимались многие лингвисты, как зарубежные, так и отечественные.

Издавна общепризнанным является определение английского языка как языка аналитического строя. Однако до сих пор остался неосвещенным вопрос о возможности выявления какой-либо особой закономерности развития грамматического строя английского языка, которая управляла бы его историческими преобразованиями с начала его письменной традиции до современного периода.

Такая особая закономерность еще не нашла своего четкого определения в современной лингвистической литературе, несмотря на большое количество работ, посвященных внутренним законам.

Однако выявление такого закона и анализ его действия должны способствовать осмыслению ряда процессов, двигавших английский язык по пути его исторического развития.

Зарубежные лингвисты в основном не ставят вопрос о возможности существования какой-либо обобщающей закономерности в развитии грамматического строя английского языка и обычно не рассматривают языковые изменения и систему во взаимообусловленности. Однако «закон это, прежде всего взаимосвязь явлений, их взаимоотношения, — пишет В. В. Виноградов. — Закономерен именно процесс взаимосвязи явлений в их развитии».

Исследование структурных особенностей строя отдельных языков чаще всего приводило зарубежных лингвистов к предвзятой сравнительной оценке языков, а не, к выявлению их внутренних законов.

В середине XIX века под влиянием громадных успехов сравнительно-исторического языкознания, базирующегося, в основном, на материале высокофлективных древнеиндийского, греческого и латинского языков, распространенной была теория о преимуществах флексии и о регрессе современных языков, ее утрачивающих в процессе развития.

Еще В. Гумбольдт посвящает не одну страницу своей общелингвистической работы восхвалению флексии, однако замечает, что образованные языки скорее преобразовывают флексии, чем необразованные, объясняя это тем, что от подвижности духа язык испытывает преобразования.

Один из самых ярых приверженцев классических языков, А. Шлейхер, считает флективные языки самым совершенным типом и видит упадок в нарушении этого типа, не раскрывая причин качественных преобразований в современных языках. Шлейхер сравнивает нефлективные языки со статуей, действием воды превращенной в гладкий камень, утративший красивые очертания прежней статуи, коей уподобляются флективные языки.

Подобная концепция имела много последователей. Так, Г. Парис считает романские языки упадком по сравнению с классической латынью.

В другую крайность впадают представители противоположного направления в лингвистике, выступающие в защиту современных языков. Еще в 1909 г., в своей ранней работе «Progress in Language» и далее в книге «Language» О. Есперсен объявляет утрату флексии прогрессом в языке и, подробно излагая «преимущества» отсутствия склонений, ликвидации согласования, упрощения форм спряжения в английском языке, приходит к выводу, что аналитические формы способствуют экономии умственного труда (brain-work) и в них выражается наибольшее количество мыслей в простейшем механизме. Есперсен объявляет многосложные слова признаком варварства, а короткие - признаком высокой культуры и приходит к выводу, что английский язык легче учить и взрослым, и детям.

«Теория» Есперсена нашла отражение в ряде работ английских лингвистов. Так, А. Бо сулит английскому языку мировое господство в силу его космополитической лексики (cosmopolitan vocabulary) и грамматической простоты, считая его самым прогрессивным языком в современной Европе. Несмотря на то, что Бо является автором «Истории английского языка», он не сумел обобщить все исторические процессы, происходившие в языке, в плане выявления в нем особых закономерностей. Односторонний подход к языковым фактам, естественно, помешал их теоретическому осмыслению.

Ф. Бэлзрд также прославляет английский язык, считая его гибким и красивым в связи с утратой грамматических форм.

Теория, прославляющая анализ и английский язык, основана на полном отождествлении языка и мышления, построена без учета особых закономерностей, вызывающих преобразования не только в английском, но и в других германских языках.

Каждый язык, развивающийся естественным путем, содержит в себе массу противоречий и исключений, делающих его неизбежно «трудным» для любого иностранца, именно потому, что в каждом языке, в процессе его исторических преобразований, действуют свои особые закономерности, сложные и многообразные, часто вступающие в противоречие друг с другом, регулирующие и направляющие его исторические изменения, характер которых лишь в незначительной степени может зависеть от культурного уровня говорящего на нем народа, ибо язык не тождествен мышлению, а лишь тесно с ним связан. Каждый язык,

будь то древнегреческий или латынь, китайский или английский, одинаково эффективен в плане выражения мыслей говорящих на нем людей.

Итальянский лингвист Марио Пей в забавной форме опровергает тезис о преимуществе одного языка перед другим, утверждая, что все языки справляются со своей основной задачей – передавать требуемые значения. М. Пей высмеивает тенденцию к сравнительной оценке языков, приводя испанскую поговорку, которая гласит, что испанский язык создан для любовников, итальянский – для певцов, французский – для дипломатов, немецкий – для лошадей, а английский – для гусей.

Отвергнув ненаучный принцип восхваления отдельных языков, М. Пей, однако, не вскрывает движущих сил языковых изменений.

Таким образом, хотя понятие языковых законов существует давно, однако исследователи английского языка не сумели определить сущность тех изменений, которые происходят в процессе развития английского языка.

Различные внутренние закономерности развития строя языка могут концентрироваться и выявляться в едином основном внутреннем законе, подчиняющем себе явления языковой структуры. Действие такого закона отражается как в морфологическом строе данного языка, так и в строе его предложения.

Закономерности, действующие в каждом языке и управляющие его историческим развитием, представляют собою категорию историческую, проследить которую возможно, по меньшей мере, лишь при наличии языковой перспективы в несколько веков.

Специфические закономерности направляют и определяют постепенный переход языка от старого качества к новому, а их преимущественное проявление в грамматическом строе способствует сохранению структурного единства языка на любой ступени его исторического развития.

В связи с неравномерностью развития элементов языка, а также в связи с устойчивостью его основы, в языке постоянно сосуществуют старые, отживающие формы и явления с новыми, зарождающимися формами, вызванными к жизни действием особых закономерностей.

Внутренний закон развития английского языка в сторону разрушения флективных средств и создания аналитических особенно ярко проявляется в системе английского глагола. Из 16 видовременных форм в действительном залоге, которые насчитывает глагольное спряжение, — 14 образуются аналитическим путем при помощи сочетания не менее чем двух элементов, один из которых становится служебным, то есть утрачивает свое лексическое значение.

Аналитические глагольные формы появились в английском языке хронологически в разное время и служили не только средством восполнения утраченных флективных показателей, но также и для выражения грамматических значений, появляющихся в языке в связи с развитием потребности в обозначении более тонких видовых и временных оттенков действий, которые не были отражены в несложной двувременной системе древнеанглийского глагола. Новые понятия, ищущие выражения в языке, получают то грамматическое оформление, которое наиболее соответствует общему характеру строя данного языка, и поэтому естественно, что все новые видовременные формы (перфектные, длительные, а также формы страдательного залога) образованы по типу аналитических.

Полная утрата английским глаголом особых флексий сослагательного наклонения привела к появлению аналитических форм его выражения (с бывшими модальными глаголами), которые также возникли хронологически в разное время и в данном случае служат для восполнения утраченных синтетических средств.

В области личных окончаний глагола также произошли существенные сдвиги в связи с действием основного закона. Система личных окончаний исчезла, остался лишь изолированный показатель третьего лица ед. числа «s», сохранившийся, возможно, в силу фонетической устойчивости этого звука, способного противостоять процессу редукции. Лицо и число глагола слабо выявляется в самом глаголе, выходит за его пределы, и поэтому центр тяжести его выражения падает на синтаксические построения, на сочетание подлежащего со сказуемым, и нарушенная система спряжения глагола по лицам восполняется за счет сочетания слов в предложении. Так, если в древнеанглийском окончание глагола определяло принадлежность действия данному лицу: *macodon, leton* — 3 л. множ. числа, то современное *made, let* не обнаруживает в своей форме лицо,

участвующее в действии, и оно выясняется из сочетания подлежащего со сказуемым.

Отсюда появляется обязательность наличия подлежащего, хотя бы формального, перед глаголом *we came*—«мы пришли», *it rained hard all night*—« всю ночь шел сильный дождь ».

Утрата выражения лица, числа в глаголе параллельно с исчезновением формального отличия между подлежащим и дополнением привела к переходу безличных и неопределенно-личных предложений из бесподлежащих в личные подлежащие, ср. русское: «его послали, ему дали» с английским; *he was sent, he was given*.

Отсутствие различия между косвенным падежом объекта и падежом подлежащего привело к осмыслению любого существительного или местоимения, стоящего на первом месте перед сказуемым, как подлежащего. Так как главные члены предложения определяются по месту, и наличие первых двух главных членов стало обязательным — это явилось причиной, почему в английском языке не получили распространения односоставные предложения, соответствующие русским «жарко», «его наградили орденом», англ. *It is hot, he was awarded an order*.

Таким образом, основной внутренний закон развития обуславливает все процессы, происходившие в грамматическом строе английского языка, захватывает всю ткань языка.

Но необходимо учитывать, что в языке сосуществуют новые элементы, вызванные к жизни действием основного внутреннего закона, и остатки старого строя, так как порождение нового качества всегда происходит в недрах старого строя. Причем, отживающие элементы проявляют различную степень устойчивости, вызванную их собственной спецификой и сферой их применения. Так, в современном английском языке, наряду с аналитическими элементами, сохранились и остатки флективной системы, которые, хотя и имеют большое значение, но все же не образуют стройной системы синтетических форм и не характерны для грамматического строя языка в целом. Так, например, глаголы, образующие основные формы путем чередования, проявляют значительную устойчивость, видимо, в связи с тем, что они в основной своей массе обозначают жизненно

необходимые процессы и, будучи наиболее употребительными, пронесли через века свою форму.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Понятие внутренних законов развития языка // Вопросы языкознания. – 1952. – №2. – С. 6.
2. *Серебренников Б.А.* О сущности внутренних законов развития языка. Доклады и сообщения Ин-та языкознания, 1958. – №5
3. *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. – М., 1954.
4. *Хлебникова И.Б.* К вопросу об основных закономерностях исторического развития грамматического строя английского языка // Уч. Зап. ЛГПИИЯ, 1956.

ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТИЦЫ *AWAU* ВО ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛАХ

Лютова Г.Н.

Белгородский государственный университет

В настоящее время частицы являются распространенным объектом изучения, ибо им приписывается роль в категоризации и концептуализации пространства. Их характерной чертой является то, что вне зависимости от своей реализации они представляют собой закрытый класс слов. По мысли Л. Талми, закрытый класс слов имеет референцию к ограниченному концептуальному материалу. Этот класс слов языка «вместе представляет скелет концептуального микрокосма» [4, С. 228]. Предлоги, представляющие этот класс слов, прекрасно демонстрируют и то, как человек членит пространство, и то, как он концептуализирует мир согласно такому членению.

Будучи закрытым классом слов, частицы, могут служить благодатным материалом для теоретических изысканий, направленных на раскрытие когнитивных особенностей человека, анализ механизма действия которых окажется полезным и в других сферах теоретических исследований языкового материала.

Интерес к частицам объясняется изменением в общей парадигме лингвистических исследований. Возникает растущая неудовлетворенность «объективистской семантикой». Ведущие когнитологи (Дж. Лакофф, Р. Джэкендофф, Р. Лэнкер, Ж. Фоконье и др.) проводят в своих работах мысль о том, что языковые